

МИРА АЙСАНОВА

ГДЕ АНЯ?

ИЛИ

РЕФЛЕКСИЯ
В ВАКУУМЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мира Айсанова Где Аня? или Рефлексия в вакууме

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57239665

SelfPub; 2020

Аннотация

Насколько сильно жизнь зависит от нашего к ней отношения? Казалось бы, скоро Новый год, но настроение трех главных героев книги оставляет желать лучшего. Что привело столичного редактора в город своего детства, от чего или от кого он так упорно пытается сбежать? Почему странную и нелюдимую художницу не оставляют в покое? И из-за чего рушится психика у совсем юной девушки, отнюдь не обделенной мужским вниманием? Содержит нецензурную брань.

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	64

*Он знает, что имеет дом, но едва ли знает где.
По его словам, это так далеко,
что он совершенно забыл туда дорогу.
(Генри Вонз «Человек»).*

I

Поминутно останавливалась, будто ждала кого-то, будто хотела, чтобы кто-то остановил навсегда, кто-то попросил вернуться, но никого не было; и улица была пустой и безлюдной. Разве так бывает, что всё рушится в один день, и нет даже места, куда можно уйти, куда можно сбежать от всех этих глупых и надоевших проблем? Нужно было успокоиться, нужно было отдышаться, нужно было застыть на несколько секунд, а затем продолжить своё бегство...

Ничего не помогало, а грязная, серая зима ещё больше угнетала. Конструктивных мыслей в голове не было; а если они и рождались, то тут же погибали, как виртуальные частицы в вакууме.

Этот день был поистине тяжёлым. Редко, когда бывает так плохо. Хотя не день. День можно пережить, если знать что завтра...завтра обязательно будет лучше. Плохо было давно с октября, когда умерла мать от сердечного приступа. Всё как-то омертвело резко, неожиданно. Отец тогда даже на похороны не пришёл, по-наглomu проигнорировал. Хотелось его убить, уничтожить, испепелить. Прожить в браке 17 лет, уйти к какой-то тётке и не прийти на похороны. Возможно? Да. Она долго тогда плакала. Не из-за смерти; смерть приходит ко всем. Может, так оно и лучше? Здесь всё равно довольно скучно. Она плакала от бессилия, от невозможно-

сти что-то изменить, от того, что людям, которым мы отдаём часть своей жизни, просто плевать на нас. С того дня она зареклась больше никогда не разговаривать с отцом, хотя он звонил не раз: просил прощения, говорил, что Наташка его не пустила. Слабак! Даже против воли своей пассивности не мог пойти. Разве это мужик? Так... жалкое подобие. Хотя, может, была права её тётка, мать сестры, намекавшая на то, что на отца её сделали приворот. Только как-то не верится ни в какие привороты. Нельзя поработить человека, если, конечно, он сам этого не захочет.

Холодный день, а ещё грязный: снег под ногами странного серого цвета; неприятно как-то, и ветер продувает насквозь. Всё-таки идти было некуда, а значит, нужно было идти домой, в квартиру, где, кроме немых рыбок, никого нет. Впрочем, можно было остаться на улице, сесть на тротуар и сидеть, пока какой-нибудь прохожий не спросит, что с тобой, приняв тебя за пьяную или больную. Нет, лучше идти домой. Не хватало ещё назойливых людей.

Дверь в подъезд как всегда была открыта настежь. Интересно, зачем устанавливать кодовую дверь и не закрывать её? Подъезд тоже грязный, как снег на улице; на стенах опять что-то написали, хотя с утра всё было чисто. А, может, просто она так спешила, что ничего не заметила? В любом случае с трудом верилось, что через три дня будет Новый год; вернее, не верилось совсем. То ли оттого, что настроение оставляло желать лучшего, то ли оттого, что ничего ново-

го не происходило. Правда, весь город облепили надписями: «Счастливого Нового года!», «Новогодняя распродажа», «Новогодние скидки»... дурацкая реклама. И ещё в центре много народа, все что-то покупают... люди.

Ключи в сумке потерялись в сотый раз, опять искала долго. С четвёртого этажа спускался странный сосед, не хотелось с ним пересекаться, но ключи... ключи виноваты.

– С наступающим Вас, Марья, с наступающим! – «голли-вудская» улыбка бомжа.

– Я не Маша, я Марина... как Цветаева, – зачем-то добавила, сама не знала, зачем. Просто надоел страшно, может, так запомнит.

– Да. С наступающим. Счастья Вам, здоровьица, любви, конечно.

– Только её не хватало...

– Что Вы сказали? Старый. Не слышу, – опять улыбнулся. Просто жуть.

– Ничего я не сказала. Вам тоже счастья, здоровья, живите до ста лет, – наконец-то ключи. Стала открывать дверь.

– И это... – не отставал сосед. – На водочку не дашь? А то пенсия нескоро.

Всё понятно, все эти пожелания для водочки, лучше бы сразу попросил и отстал. Сунула ему полтинник.

– Золотце, Маша, дай тебя поцелую!

– Спасибо, не надо, – отшатнулась от него, ввалилась в свою квартиру, захлопнула дверь.

– Я отдам. Обязательно отдам! С пенсией.

«Ну, конечно, конечно», – подумала Марина, снимая грязные сапоги.

Здесь никого нет, здесь она одна. Только рыбки мертвячки-пустыми глазами таращились на неё из аквариума. Непонятно, зачем смотрели. Может, хотели есть? Высыпала им корм и ушла в свою комнату, а там разрыдалась. Плакала сильно, но почти беззвучно в подушку. Было не больно, только пусто, дико пусто.

Семён Андреевич, такой радостный и довольный, шёл по грязным улочкам провинциального городка и вдыхал морозный воздух, пропитанный выхлопными газами.

Странно безлюдно было в этот декабрьский полдень. Однако это нисколько не удивляло радостного и довольного Семёна Андреевича. Часа два назад он наконец-то помирился со своей любовницей Инной, которая настаивала на том, чтобы этот Новый год он провёл вместе с ней. Но ведь Семён Андреевич не мог позволить себе такую роскошь. Всё-таки жена и двое детей казались ему весьма уважительной причиной, поэтому он просто подарил своей Инке (как ласково называл он свою любовницу) бриллиантовые серёжки, и та, поплавав и покричав, успокоилась в тот же миг, когда увидела эти чудесные, а главное дорогие серьги. Конечно же,

это и послужило залогом великолепного настроения Семёна Андреевича, который решил, что новую секретаршу искать ему не придётся.

День выдался до такой степени удачным, что Семен Андреевич встретил во время своей зимней прогулки старого приятеля, одноклассника, а впоследствии и однокурсника Алексея Вихрова. Они даже узнали друг друга, точнее, Семён Андреевич узнал Алексея, потому как тот не сильно изменился. Старые знакомые решили посидеть в кафешке и вспомнить былые годы.

Алексей Вихров выглядел значительно моложе своих лет. Возможно, это являлось следствием того, что он никогда не состоял в браке. Что делал сегодня Вихров в городе, из которого уехал по окончании института, Семён Андреевич не знал. И как только они сели за маленький столик (Семён Андреевич сделал это с большим трудом, округлость в области бывшей талии ему несколько мешала), любопытный Семён Андреевич сразу же поинтересовался целью приезда своего старого знакомого. Вихров как-то загадочно улыбнулся, скрытный по своей природе он не очень-то хотел откровенничать.

– И сам толком не знаю, – всё-таки начал отвечать Алексей. – Давно здесь не был. А как ты поживаешь?

Семён Андреевич любил говорить о себе, вернее, о своём бизнесе, который достался ему от богатых родителей. И хотя Вихров ехидно улыбался, слушая Семёна, он, однако, по-

разился тому, что его не слишком далекий знакомый до сих пор на плаву. «Ну что ж, дуракам везёт», – подумал Алексей и посмотрел в окно.

– А ты ещё не женился? – спросил Семён Андреевич и отвлёк Вихрова от потока собственных мыслей.

– И не собираюсь.

– И знаешь, я тебя понимаю. Вот у меня семья: жена, дети, любовница. И так все надоели. Столько денег на них уходит, а деньги-то – главная ценность в нашем мире. Вот сегодня, чтобы успокоить свою Инку, купил ей бриллиантовые серьги. Считаю, выбросил деньги на ветер, – радостный и довольный Семён Андреевич внезапно загрустил. – А всё почему? А потому что не могу я с ней провести Новый год. Жена Людка, дети... понимаешь? Одни проблемы. Лучше, как ты: холостой и свободный.

– Как жену зовут? – Вихров с любопытством посмотрел на Семёна.

– Людка. Да ты ж её знаешь. Она с нами в институте училась на курс младше. Фамилия у неё девичья Арутина.

Алексей усмехнулся, пытаясь скрыть своё неприятное удивление. Людку он знал, хорошо знал.

– А ты не занят? – поинтересовался Семён Андреевич. Вихров отрицательно покачал головой. – Может, зайдёшь ко мне? Может, Людку вспомнишь? Могу позвонить шофёру, он приедет, – предложил Семён.

– Лучше пройдемся, хочу посмотреть на город.

Город после двадцати минут проведённых приятелями в кафешке ничуть не изменился. Снег под ногами был всё того же противного серого цвета, небо тоже серое. Единственное добавление к общему мрачному пейзажу было таким: пошёл снег не так, чтобы сильно, а чуть-чуть, по несколько снежинок в минуту. Вихров напряженно думал, в то время как Семен Андреевич рассказывал о чём-то с великим энтузиазмом. Периодически Вихров прислушивался к речи старого друга и лишь усмехался, убеждаясь в том, что ум с годами, в отличие от опыта, не прибавляется.

Город Вихрову не нравился, как и много лет назад, вкусы не меняются. Обычный провинциальный городишко, где, наверно, все знают всё друг о друге. А ведь не хочется, чтобы о тебе всё знали, по крайней мере, не всем хочется. Должна же быть какая-то дистанция, какая-то пропасть между человеком и людьми, человеком и миром, человек имеет право на одиночество. Хотя можно быть одиноким и в толпе.

Пока они шли, с Семёном Андреевичем успело поздороваться человек шесть. С двумя он даже обменялся короткими новогодними пожеланиями. Потом пристал какой-то старичок, просил на водочку, до пенсии, видите ли, не скоро. Вихров дал ему пятьдесят рублей, чтобы отстал, а Семён Андреевич сказал, что нужно самому зарабатывать.

«Не каждому Бог даёт богатых родителей», – заметил Вихров. И после этой фразы старые знакомые шли молча. Правда, Семён Андреевич хотел было возмутиться и даже

оскорбиться, но, зная Вихрова, он предпочёл промолчать.

Двухэтажная квартира Семёна Андреевича была расположена в самом центре города. Хотя средства позволяли Семёну Андреевичу купить коттедж, он этого не делал, так как его жена Людмила Павловна была категорически против, а «почему» не знала и сама, что кажется вполне простительным. Бывает же так, что ты не знаешь, почему чего-то хочешь или не хочешь. В любом случае это можно было обозвать странным женским капризом.

Дверь Семёну Андреевичу и Вихрову открыла краснощёкая пожилая домработница, а заодно и повариха, Марта Борисовна Белянко. Она поприветствовала дорогих гостей и побежала на кухню «доготавливать обед».

Квартира не понравилась Вихрову. Первая мысль, возникшая в его голове, была такой: «Безвкусица».

– Последний писк моды, – неожиданно сказал Семён Андреевич.

– Что? Статуя? – спросил Алексей, внимательно разглядывая небольшую белую статую кого-то у дивана.

– Нет, я о мебели.

– А статуя... Это кто?

– И сам не знаю. Главное дорогая: купили, когда отдыхали в Париже, гостинец, так сказать.

– Видел такую... в переходе, – неожиданно вспомнил Вихров, но Семён Андреевич не услышал его.

По лестнице спускалась Людмила Павловна, только что закончившая говорить по телефону.

– Ты пришёл? Ещё и не один? – кивнула она головой в сторону стоящего к ней спиной гостя.

– Да. Люд, не поверишь, встретил сегодня...

Алексей обернулся.

– Люд, помнишь? Вихров Лёшка, учился со мной на одном курсе. Ну, помнишь?

– Здравствуйте, Людмила... Павловна.

Людмила на несколько секунд застыла, потом взяла себя в руки и выдавила:

– Да, вспомнила, Алексей... никогда не знала, как вас по отчеству.

– Да, ладно, Людка, чего церемониться-то? Почти одногодки, можно разговаривать и на «ты». Скажу, чтоб Марта на стол накрыла, пообедаем, а то мы пока просто перекусили.

– Нет, лучше я... – остановила мужа Людмила Павловна, – я пойду к Марте.

Людмила Павловна, конечно, изменилась. И сперва Вихров даже не узнал её. Действительно, красота увядает с годами, а духовная пустота всё отчетливее проявляется во взгляде. И если бы Вихров был глупым идеалистом или романтиком, он бы, конечно, разочаровался, увидев сильно постаревшую когда-то любимую женщину. Но Вихров не причислял себя к данному типу людей, а потому совсем не расстроился,

ему лишь припомнились строчки стихотворения Есенина:

«Она такая дурочка,
Как те и та...
Вот потому Снегурочка
Всегда мечта».

Людмила Павловна наоборот, очень сильно разволновалась. Заскочив на кухню, она поспешно удалилась в свою комнату. Сразу же подошла к висящему на стене зеркалу и долго, пристально вглядывалась в своё отражение. Как сильно разозлило её то, что Алексей, во-первых, выглядел значительно моложе своих лет, а, во-вторых, нисколько не смутился, увидев её. Ей даже показалась, что жизнь прошла, по сути, бессмысленно, как-то бесполезно. Кто она? Безработная жена богатого, страшного и глупого мужчины, мать двоих капризных и избалованных детей? Что у неё есть? Двухэтажная квартира и морщинистое лицо. Правда, у кого-то нет даже этого.

«Хотя бы деньги», – успокоила себя Людмила Павловна. В конце концов, это только в песнях поётся, что с милым рай и в шалаше. Что нет любви, не так жалко. Жалко, что красота куда-то исчезла, а ведь она помнит, какой красивой была когда-то...

Было пусто, дико пусто. Она плакала недолго. Откинула промокшую подушку в сторону и села на кровать, обняв руками колени. Нужно было себя успокоить, нужно было заставить себя улыбнуться. И у неё это получилось, а через несколько секунд она даже расхохоталась себе назло.

– Как глупо, – подумала Марина. – Как всё глупо. Всё же нормально, всё же хорошо?

– Относительно, – отвечал внутренний «кто-то».

«Надо взять себя в руки», – с этой мыслью она встала с кровати и подошла к зеркалу. По щекам была размазана тушь. Марина ехидно улыбнулась. «Надо же какая красавица», – промелькнула новая мысль. Предательски забурчал живот, напоминая девушке о том, что она не ела с самого утра. И Марина отправилась на кухню, не соизволив смыть испортившийся макияж.

Наскоро пообедав и помыв посуду, она решила помыться, потому, как вода, казалось ей, обладает какими-то магическими, очищающими свойствами. По крайней мере после душа ей стало, действительно, значительно легче.

Но всё-таки успокоиться до конца она не могла: в голове кружили какие-то мысли, обрывочные, не совсем ясные. Хотя она прекрасно понимала, что её так сильно тяготило, и ещё больше хотела убежать, скрыться от этого. Она попыталась написать стихотворение, но ничего не получилось, и смятый листок бумаги полетел на пол. Однако попытки освободиться от мучавших её сознание мыслей не прекращались,

и девушка на новом листке бумаге стала что-то медленно рисовать. Что она рисовала, она не знала. В итоге получилось что-то странное и мрачное, а при более детальном осмотре девушка обнаружила данный рисунок слишком страшным и разорвала его, придя к выводу, что её душевное состояние оставляет желать лучшего.

В квартире было тихо, как-то неприятно тихо. Тишина навевала ещё большую тоску. В связи с этим Марина вновь посоветовала на то, что дома у неё живёт ни пёсик или кошка, а немые рыбки. В какой-то момент ей даже захотелось выкинуть их в унитаз. Но она не сделала это, то ли, потому что этих рыбок купила когда-то мама, то ли просто пожалела.

И только телефонный звонок, раздавшийся неожиданно, прервал заунывную тишину. Марина с неохотой взяла телефонную трубку.

– Алло, – шаблонно ответила она.

– Привет, – слегка радостный голос Аллы, лучшей подруги Марины, показался ей незнакомым. – Как ты?

– Ничего, – тихо сказала девушка.

– У тебя голос такой потрясающей, – протараторила Алла. – Всё время вспоминается фраза, ее, кажется, относительно Чаадаева применяли, «голос из склепа». Ты что совсем умираешь?

Марина молчала, потому что не знала, что ответить.

– Эй, Марин, ты куда пропала? Не обижайся.

– Я не обижаюсь, – спокойно сказала она.

– Что случилось? – не унималась Алла.

– Ничего... просто.

– Так. Через час жду тебя в городе около универмага «Уют».

– Я...

– Отказа не принимаю.

– Я только что помылась, на улице мороз.

– Слушай, менингит не страшнее депрессии. Да и с таким настроением жить всё равно необязательно. Так что жду. Ты, кстати, рыбок покормила? А то ты просила напомнить.

– Угу, – пробормотала Марина.

– Тогда давай, до встречи, – и подруга повесила трубку.

Людмила Павловна всё-таки успокоилась. Хотя ей непросто было взять себя в руки. Она припудрила лицо, по-другому уложила волосы и уже с меньшим разочарованием смотрела на себя в зеркало. В дверь неожиданно постучали и, не дожидаясь ответа, открыли её. В комнату вошёл высокий мужчина.

– Семён пошёл за вином, а я пока решил заглянуть к Вам, – нарочито вежливо сказал Вихров и усмехнулся. – Здравствуй ещё раз. Ты сильно изменилась, – сухо констатировал Алексей.

– А ты нет. Всё такой же... – зло ответила женщина.

Вихров опять усмехнулся:

– Слишком фраза оборванная. Всё такой же кто? – поинтересовался он, но ничего не услышал в ответ.

Людмиле Павловне было сложно собраться с мыслями, всё путалось в голове.

– Что ты хочешь?

Угнетающая обстановка повисла в комнате. Вихров с каким-то недоумением смотрел на Людмилу Павловну и тщетно пытался понять, что же тогда так сильно нравилось ему в ней... что?

Людмила Павловна, напротив, всё больше удивлялась тому, как хорошо выглядит Алексей. Её даже показалось, что теперь в свои сорок пять лет он намного привлекательнее и красивее, чем двадцать лет назад. Что-то новое и незнакомое появилось во взгляде его чёрных глаз, и даже чёрные волосы казались ещё чернее, хотя обычно брюнеты седеют рано и быстро. Странно молодо выглядел он для своего возраста. От этого ей опять стало грустно и неловко.

– Ты меня любила? – вдруг спросил Вихров, «вдруг» даже для самого себя. Людмила Павловна растерялась и рассеянно улыбнулась.

Она молчала. И Алексей неожиданно вышел из комнаты, сказав напоследок, что Семён, наверное, пришёл.

Стол был накрыт. Вино куплено, На самом деле, Семён уходил звонить своей любовнице, он не любил делать это дома, боялся, что дети услышат, а заодно купил бутылку вина.

Перед самым началом «трапезы» (всё происходившее напоминало Вихрову пародию на какой-то старинный фильм) появился проголодавшийся за несколько часов игры в стрелялки Фёдор. Худощавый девятилетний мальчишка показался Алексею одновременно капризным и милым, правда, слегка неприятным внешне, он унаследовал отцовские неправильные черты лица. А вот Анжелу пришлось ждать, потому что она переписывалась о чём-то важном с подругой и долго не соглашалась идти есть.

– У нас гости? – удивлённо спросила девушка, наконец-то появившись в гостиной. Она кинула свой взгляд на сидевшего за столом Вихрова. «Деловой партнёр...», – подумала Анжела. И ещё раз бросила короткий взгляд на незнакомца. Правда, она успела хорошо его рассмотреть и даже слегка смутилась. Обычно папины деловые партнёры были похожи на её папу: толстые, пожилые и совсем несимпатичные. А этому она дала бы не больше тридцати пяти лет. Очень красивый статный брюнет со странным пронизывающим взглядом. Такие обычно играют роль дьявола в иностранных фильмах. Правда, такая мысль не пришла Анжеле в голову, но, если бы она была более проницательной, то, скорее всего, сделала бы именно такой вывод.

– А... дети, это мой бывший одноклассник и однокурсник Алексей Станиславович Вихров. Вот, встретил сегодня, решил пригласить к нам в гости, он, кстати, и с матерью вашей знаком.

– Я Фёдор Степанович, – шустро и наигранно важно сказал Федя.

– Анжела, – уверенно представилась девушка и села за стол.

– Вы поразительно похожи на свою мать... в молодости, – тут же сказал Вихров.

Он не врал. Анжела, действительно, напомнила ему Людмилу Павловну. Очень похожие черты лица, абсолютно мамины серые глаза. Волосы, наверное, чуть темнее, чем у матери, но тоже светлые. Правда, ему сильно не понравились нарощенные ярко-красные ногти на её руках, почему-то длинные ногти всегда раздражали Алексея. Анжела же слегка удивилась тому, что незнакомец оказался ровесником её родителей.

– А вы кто? – спросил Фёдор.

– Знакомый твоих родителей, – не совсем понял вопрос Вихров.

– Я не это... Папа, а кем он работает?

Семён Андреевич немного растерялся. Он ничего не узнал о Вихрове, кроме того, что тот так и не женился.

– С литературой тесно связан, курсы различные веду, статьи пишу, а ещё я редактор одного из столичных журналов, – Алексей даже сказал название журнала. И удивлённая Анжела вновь посмотрела на сидящего напротив гостя.

– Мы с подругами его покупаем, – выпалила она.

– Если честно, – Вихров слегка наклонился к ней, на-

сколько это позволял сделать стол, разделяющий их. – Дурь полная. Я бы хотел заняться чем-то более серьёзным. Но что-бы делать деньги, нужно идти на поводу у толпы. Людям ведь куда интереснее узнать, кто из звёзд развёлся в прошлом месяце и почему, чем, что такое сингулярность и в чём тайный смысл рисунков Лермонтова.

Анжела промолчала и слегка смутилась, что было с ней впервые, поскольку обычно именно она смущала окружающих её молодых ребят. Анжела внезапно подумала о том, что у неё никогда не было романа со взрослым мужчиной, тем более московским редактором. Она молодая, красивая, богатая. Единственное, что мешало ей уехать в столицу, а туда она очень хотела, так это твердое «нет» её отца, вплоть до «езжай без денег». А что если...? Анжела усмехнулась и уже более дерзко посмотрела на Вихрова. Мужчина это заметил, прочитал изменение мыслей Анжелы по её выразительным, но пустым, как у матери, глазам. Он усмехнулся ей в ответ.

– Значит, вы, т.е. ты теперь при деньгах? – уточнила Людмила Павловна.

– Думаю, не при таких, как вы, – он обвёл глазами квартиру. – Но живу почти в центре города, машина, собака, жены нет.

При этом Вихров «зачем-то» посмотрел на Анжелу, как показалось ей.

– А вообще часто в Питере бываю. Мне там нравится. Думаю переехать туда. Знаете, более литературный город.

Мрачнее, тише и медленнее Москвы. Может, напишу что-нибудь серьёзное, хочется порой выделиться чем-то значительным и мудрым на общем фоне. Впрочем, это вряд ли у меня получится.

– А я тоже пишу, – неожиданно сказала Анжела. – В основном, стихи.

– И у вас это хорошо получается? – поинтересовался Алексей, улыбнувшись девушке.

– Может, кому-то и не нравится, но мне кажется, что это уже их проблемы, – довольно нагло ответила Анжела.

– Да, Лёш, – улыбнулся Семён Андреевич. – Вдруг у нас с Людкой гений дома растёт. Станет известной поэтессой.

Фёдор рассмеялся, хотя его отец не шутил.

– Пойдёмте, сами убедитесь, – Анжела резко встала из-за стола.

– Анжела, – Людмила Павловна осуждающе посмотрела на дочь. – Человек ещё толком не поел, а ты со своими стихами.

– Если человек увлечен литературой, то я думаю, литература ему важнее, чем недоеденный обед.

Людмила Павловна снова зло посмотрела на дочь.

– Ничего страшного, – согласился Вихров. – Литература, действительно, важнее.

В комнате Анжелы было просторно и светло, она, как и спальня родителей, располагалась на втором этаже. Девушка

забыла выключить музыку на ноутбуке, крутились песни современной попсовой группы, и Вирхов сделал вывод, что у дочери Семёна Андреевича начисто отсутствует музыкальный вкус. Хотя, может, это дань моде по такому принципу: я слушаю то, что слушают все. Алексей внимательно следил за Анжелой, когда та искала тетрадь со своими стихами. Он никак не мог понять, сколько ей лет. Сперва ему показалось, что ей 21 или 22 года, но логически подумав, он сделал вывод, что Людмила Павловна не могла родить её так рано, иначе бы он знал об этом. Следовательно, Анжела была моложе. «Интересно, исполнилось ли ей 18?»

Не то чтобы Анжела очень понравилась Алексею, и уж точно она не соответствовала его идеалу. Но ведь это не имело особого значения теперь. Во-первых, в силу опыта он начал понимать, что, в принципе, идеалов не существует. А, во-вторых, между умом и красотой всегда нужно что-то выбирать. Редко, когда подобное сочетается. И в последнее время, да пожалуй, давно, он всё-таки отдавал предпочтение красоте, потому как и сам являлся вполне самодостаточным. По этой причине чужие мысли его особо не интересовали, а поделиться своими он мог и с душой, в крайнем случае, с каким-нибудь приятелем, если ему уж очень хотелось услышать критику в свой адрес. Иначе говоря, он полностью разделял мнение: «Любить – но кого же? – на время не стоит труда,

а вечно любить невозможно...».

Попросту Вихрову было скучно и как-то хотелось скрасить или разнообразить свой досуг. И наблюдая за Анжелой, он как-то машинально, почти инстинктивно разрабатывал план по завоеванию её сердца. Хотя, как ему показалось за столом, сердце девушки уже было завоёвано. Вихров бы отнёс Анжелу к той категории представительниц прекрасного пола, для которых даже не деньги, а статус играют решающую роль.

– Нашла, – выпалила Анжела и села на свою кровать. – Держите, – она протянула Вихрову надушенную толстую тетрадь и двусмысленно улыбнулась.

Она была уверена в своём литературном даровании. В школе и в институте она всё время переделывала тексты песен, чтобы они соответствовали определённой теме. Всем своим бывшим молодым парням, своему нынешнему парню, всем своим подругам на все праздники она присылала свои стихотворные эсэмэски, и все всегда восхищались её умением писать стихи, настоящие стихи. Даже свои капризы и истерики она часто списывала на то, что является творческой личностью. И однажды выиграла городской литературный конкурс, спонсируемый её отцом. И теперь она только ждала одобрения со стороны Вихрова.

Ему же так не хотелось открывать эту тетрадь. Вообще-то уже по самой тетради он мог судить о ее содержимом.

Прежде всего, Вихров считал, что музыка – женщина непостоянная, ветреная, так сказать. А потому очень подозрительно относился он к тем поэтам, которые вели своего рода поэтические дневники, ведь вдохновение – нечто мгновенное, минутное, приходит внезапно, так внезапно, что порой стих записывается на газете, на салфетке, да даже, если хотите, на клочке туалетной бумаги. А записывать стихи в какую-то определенную, да ещё и надушенную тетрадь? Это скорее показатель организованности, собранности, методичности, пафосности да просто откровенного позёрства – всего того, что как считал Вихров, противоречит истинному творчеству как акту спонтанному и стихийному.

Да и глядя на Анжелу с трудом верилось, что она относится к числу творчески одарённых людей. Скорее всего, рифмовала в лет десять хорошо слова, а родители и друзья накрутили: «Гений». Алексей даже усмехнулся (Анжела, правда, не поняла, почему). Но, а вдруг и впрямь гений?

Однако редакторское чутьё его не подвело. С первой страницы на него повеяло чем-то абсолютно антитворческим, и он решил прочесть последние стихи, определить уровень сегодняшней.

– А сколько вам лет? Некорректный вопрос, но...

– Двадцать будет в апреле.

– Ну, что я могу сказать, – он закрыл тетрадь и посмотрел на Анжелу, – для вашего возраста, несомненно, талантливо, – Вихров не любил врать людям, но красивым девуш-

кам – это совсем другое дело. – Я бы сказал, даже очень.

Анжела улыбнулась

– А вы давно живёте в Москве?

– Я... – собеседник задумался. – Примерно как окончил университет.

– Понятно. А как вы стали редактором?

– Знаете... – Вихров подошёл к окну и посмотрел на улицу. Много машин, люди, город грязный, вывеска на соседнем супермаркете «Новогодняя распродажа». – Сейчас не вспомню, просто очень хотел. А вы на кого учитесь, кем хотите стать?

– Учусь в Академии туризма. А так хотелось бы... даже не знаю. Я путешествовать люблю.

– Вы верите в Бога? – неожиданно спросил Алексей и пристально посмотрел на Анжелу.

Она растерялась и улыбнулась в ответ. А всё-таки у неё были ещё совсем детские черты лица.

– Так вы верите?

– Я... не знаю, – сказала она вполне твёрдо. Он продолжал смотреть. – Вы, в самом деле, такие странные вопросы задаёте, – в голосе Анжелы стала появляться та уверенность, которую он заметил, когда девушка только появилась в гостиной. Похоже, она лишь на время растерялась.

Вихров снова усмехнулся. Анжела начала говорить что-то... Алексей толком не слушал девушку, а всё смотрел в окно на небо и думал о своём.

Через какое-то время он резко отошёл от окна и сел на кровать напротив Анжелы. Красивые глаза, но такие пустые...

– Вы красивая девушка, – сказал он вдруг просто и понятно, не стесняясь, как её ровесники.

– Я знаю.

– Самоуверенно.

– Это разве плохо?

– Время покажет, – спокойно ответил Вихров.

– А что, собственно, лучше быть робкой и стеснительной? Нет, я себе такой нравлюсь.

Вихров внимательно посмотрел на девушку и снова улыбнулся. Анжела слегка смутилась и покраснела, наверно, от того, что смутно понимала, а вернее, совсем не понимала, почему улыбнулся собеседник. Разговор неожиданно зашёл в тупик, и Вихров снова подошёл к закрытому окну.

– Представляете, здесь ничего толком не изменилось. Каким был этот город, когда я уезжал, таким и остался, – то ли разочарованно, то ли удивленно сказал Алексей.

– А вы впервые сюда приехали? – спросила Анжела.

– Нет, почему же? – Вихров всё продолжал смотреть на проезжающие автомобили. – Иногда здесь бываю.

– А зачем вы сейчас здесь? Скоро Новый год, с кем же вы будете его отмечать?

– Иногда полезно убегать от надоевших людей, – быстро ответил мужчина.

Анжела опять не знала, что спросить, и Вихров тоже ничего не спрашивал. Он неожиданно сам для себя отвлёкся от разговора, от этой девушки, находящейся с ним в одной комнате, даже от своих собственных мыслей; и нечто похожее на ностальгию охватило его. Стало как-то тоскливо, грустно, пусто что ли – он и сам не знал. А небо за окном было всё того же противного серого цвета, и очень резко ощутил Вихров своё одиночество в этот миг.

Сотовый Анжелы стал истошно вопить, и девушка, вскочив с кровати, побежала отвечать на телефонный звонок. Вихров же резко вышел из комнаты.

Когда Анжела поговорила с позвонившей подругой, мимоходом похваставшись, что она понравилась московскому редактору, девушка спустилась вниз в гостиную, но Вихрова уже не было в квартире. После того как Алексей вышел из её комнаты, он обменялся парой фраз с её родителями, а затем попрощался. Дочь Людмилы Павловны растерялась, когда узнала об этом.

Вихров был одет сравнительно легко для стоявшей на улице погоды. Его абсолютно не грело дорогое чёрное пальто, и потому, когда подул резкий порывистый ветер, Алексею стало холодно. Выйдя из тёплой квартиры Семёна Андреевича, он особенно остро ощутил дискомфорт и быстрым шагом поспешил в квартиру, которую он снял на некоторое время

у своего старого знакомого. Его всё больше и больше угнетал городской пейзаж. Его раздражало буквально всё: нелепое соседство многоэтажек и избушек, пёстрые рекламные плакаты, магазины с иностранными названиями и даже люди, вернее, их пустые, некрасивые лица.

Скоро Новый год. Впервые за много лет Алексей будет встречать его один. Он не солгал Анжеле, когда сказал, что «иногда полезно убегать от людей». В этот раз он так и поступил. А когда представил себе взбешённое лицо Кристины, с которой он встречался последние полгода, то даже посоветовал, что не сможет этого увидеть. В любом случае ему обязательно позвонят приятели и живописно расскажут, как Кристина побила всю посуду в его квартире и выкинула подарки, которые привезла из Мадрида, куда она поехала заключать какие-то важные контракты и откуда обещала вернуться 31 декабря.

Но почему-то Алексея это не столько огорчало, сколько смешило. По сути, ему была абсолютно не нужна ни Кристина, ни какая-либо другая женщина. А от одиночества он всё равно не избавится, даже если обзаведётся семьёй, поэтому он давно решил смириться с этим страшным, но знакомым каждому чувством.

В таких мыслях Вихров утопал, пока шёл по скользкому тротуару, так он оправдывал себя. Иногда он отвлекался на суетившихся вокруг людей, всматривался в их лица, которые при детальном осмотре ему не нравились, а затем снова на-

чинал думать о чём-то своём.

Ветер всё не стихал, а лишь усиливался; снег продолжал порционно падать на замёрзшую землю. И Вихров никак не мог понять, как в такую погоду можно встречать Новый год. Возможно, он слегка завидовал проходящим мимо семейным парам. Но если только слегка, потому как был убеждён, что всё это лишь иллюзия счастья, что это своего рода дань Новому году. А потом всё волшебство развеется как дым, но ведь у него не было даже иллюзии. Однако Алексея это не волновало.

Неожиданно прямо перед ним поскользнулась и упала из ниоткуда появившаяся молодая девушка, которая, видимо, спешила на приехавший к остановке автобус. Вихров помог ей подняться. И та шаблонно сказав: «Спасибо», продолжила своё бегство. Алексей проводил её взглядом и снова начал размышлять о чём-то своём, о том, от чего его отвлекла так бесцеремонно упавшая незнакомка.

Марина проклинала всё на свете, когда спешила по грязной мостовой к магазину «Уют», где она договорилась встретиться с Аллой. Во-первых, после мытья головы ей, действительно, было холодно; во-вторых, ей абсолютно не нравилась погода, царившая в этот день на улице; в-третьих, ей почему-то хотелось уничтожить всех прохожих, всех людей. Не хватало воздуха, только не обычного кислорода, а другого,

какого-то не выявленного наукой элемента. Она задышалась в этой серой массе людей, в этой толпе, в этом большом городском муравейнике, и она боялась, что не сдержит себя и что крикнет громко-громко, так, что все внезапно остановятся...покрутят пальцем у виска и скажут: «Дура!». А душой быть неприлично как-то.

Алла не опоздала, она пришла даже раньше Марины, чем сильно её удивила.

– Ты такая грязная...жуть, – и Алла стала отряхивать спину подруги.

– К вам спешила, – ехидно улыбнулась девушка. А затем обречённо посмотрела на подругу.

– Ну, что? – спокойно спросила та.

– Мне очень, очень плохо. – И Алле показалось, что Марина сейчас разрыдается.

Алла опять пристально, внимательно посмотрела на свою подругу. И по её выразительному взгляду она поняла, что нынешнее состояние Марины является следствием не внешних событий, а внутренних глубоких баталий. Чем помочь Марине в такие периоды жизни, она не знала, хотя и дружила с ней последние восемь лет. Разговоры по душам, т.е. бесцеремонные попытки влезть в чужую душу здесь явно не помогали, скорее, вредили, потому Алла не стала ничего спрашивать, а просто предложила Марине прогуляться по городу. И, естественно, как часто бывало во время таких прогулок, девушки не смогли миновать городской парк.

В парке было тихо и спокойно. Но Марину пугали пролетающие прямо над головой наглые галки, абсолютно привыкшие к соседству с людьми, в то время как Алла что-то увлечённо рассказывала, тем самым, пытаясь отвлечь подругу от грустных мыслей.

В парке было красиво, как-то торжественно мрачно, и серость этого декабрьского дня, как ни странно, только украшала парк. Что-то таинственное и загадочное дышало в спины, царило вокруг, и казалось, что вот-вот произойдёт чудо, какого ни видывал свет.

В парке было безлюдно, особенно теперь, когда до Нового года осталось всего несколько дней, а потому толпы смешных людей слонялись по бесчисленным дорогим и недорогим магазинам.

В парке было страшно. Ветер всё не стихал, а лишь усиливался; снег продолжал порционно падать на замёрзшую землю, и какая-то скрытая угроза летала в воздухе, смешиваясь с иллюзией волшебства, рожденной в преддверии Нового года.

– Вот так, – закончила свой монолог Алла и улыбнулась. – Ты меня не слушала?

Марина кивнула. Поправила левой рукой выбившуюся из-под шапки прядь каштановых волос.

– Извини. Не могу ни о чём сегодня думать, не могу сосредоточиться.

Алла не обиделась, она лишь слегка огорчилась тому, что

её попытка отвлечь Марину оказалась тщетной.

– Сегодня здесь удивительно, – неожиданно сказала Марина и огляделась вокруг. Пустые старые лавочки, слегка припорошенные серым снегом. Большие голые деревья, раскачивающиеся на сильном ветру. И завораживающий вид огромного бора, отделённого от парка водохранилищем.

– Всё как обычно, но при этом удивительно, – Марина впервые за время прогулки улыбнулась, будто обрадовалась слову «удивительно», которое она произнесла несколько раз.

Алла согласно кивнула.

– Хочется сесть. Я сегодня забегалась, – тихо сказала она.

– Лавочки холодные, – предостерегла Марина.

– Можно на землю.

– Ну, вы как хотите, а я постою, – некая живость появилась в голосе девушки.

И Алла улыбнулась.

– Сегодня твой товарищ звонил.

Марина вопросительно посмотрела на Аллу, и сразу заметила лукавство, появившееся в её карих глазах.

– Какой товарищ? – уточнила она, искренне не понимая, о ком идёт речь.

Алла снова улыбнулась, в сотый раз поразившись наивности подруги.

– Миша, наверное.

Марина слегка возмутилась.

– Ну его... он дурак, – резко и наигранно по-детски отве-

тила она.

– Как ребёнок маленький. Надулась вся, обиделась. Звонил, спрашивал, что с тобой, почему ты с ним не хочешь разговаривать, пытал меня. Любит тебя человек, – подытожила собеседница.

– И чем я могу ему помочь? – Марина спокойно посмотрела на подругу, а та ничего не ответила.

Вихров наконец открыл дверь своей съёмной квартиры, и на него сразу же повеяло теплом домашнего помещения. Он снял кожаные ботинки и резким движением кинул на пол чёрное, промерзшее пальто, а затем пошёл в свою комнату. Он лёг на мягкий коричневый диван и закрыл глаза. Алексей не хотел спать, он не устал, но по воле какой-то неведомой силы он сделал именно так. Что-то раздражало. Тишина? Нет, тишину он любил. И тогда Вихров понял, что ему жутко не нравился стук, исходящий от висящих на стене старинных часов. Он посекундно прерывал тишину. Он отвлекал.

Однако Алексей продолжал лежать с закрытыми глазами, некоторое время ни о чём и ни о ком не думая. Сегодняшняя встреча с Семёном Андреевичем и его семьёй, весь сегодняшний день казались ему просто фарсом, сном, потеряли всякие черты реальности.

Неожиданно он открыл глаза, поднялся и сел на край ди-

вана. Опять стало пусто и легко, и Вирхов облегчённо вздохнул. Он посмотрел в окно и поймал себя на мысли, что, казалось бы, некрасивый день на самом деле красивый. Мрачно и серо? Да. Но ведь была во всём этом какая-то торжественность, пафосность что ли, театральность.

Вихрову захотелось подойти поближе к окну, и он это сделал. Отодвинул мешавшие шторы и стал любоваться грустным вечерним городом. Он смотрел на прохожих и машинально придумывал каждому свою историю. Вон та женщина с девочкой, наверное, дочкой куда-то спешила. Скорее всего, домой. Женщина несла два больших пакета, а девочка, слишком маленькая, чтобы помогать маме, только мешала, крутилась вокруг неё и что-то говорила-говорила. Интересно, где в это время находился её отец, почему не нёс он эти тяжёлые сумки. А может, её мать, та женщина в недорогом пуховике, была разведена, может, и не выходила никогда замуж или муж в это время лежал дома на диване и смотрел телевизор.

Весёлые молодые люди, явно выпившие, шли и распевали песни. Правда, они казались вполне безобидными, просто были весёлыми и молодыми. А больше никого не было, хотя нет... проезжали машины, разных марок, разных цветов... и всё.

Скучно...

Вихров отошёл от окна, задвинул шторы так, что в комнате стало темно, и снова сел на диван. Ему вдруг захотелось сосредоточиться на какой-нибудь мысли. Ему захотелось понять, чем он недоволен, что мешает ему, что раздражает его помимо часов. Ему захотелось понять самого себя. Странно так жить, не зная себя, будто с кем-то чужим и этот чужой, как ни странно, ты сам. Находить общий язык с самим собой, веселить себя, злить, ненавидеть и любить, любить себя сильнее других. Эгоизм? Может быть. Хотя не в нём дело.

Захотелось, чтобы в комнату с громким лаем ворвался его пёс, шестилетний ротвейлер, которого Алексей оставил на попечение своему приятелю. Захотелось, чтобы кто-то прервал заунывную тишину, искренне обрадовался тому, что ты есть, что ты жив; захотелось, чтобы в комнате появился тот, кто тебя по-настоящему любит. Вихров постепенно начинал презирать собственные мысли и чувства, рождённые ими, и, чтобы больше не издеваться над собой, он включил стоявший около окна телевизор.

Как всегда, в преддверии Нового года по всем каналам показывали какую-то ересь. Собственно говоря, все эти передачи Алексей делил на два вида: первый – это там, где много поют под фонограмму, второй – где, пытаются смешно пошутить. И то, и другое, в конечном счете, сводилось к коммерции, к многоуважаемым деньгам, но выбора всё равно не было, а сидеть в тишине и в полном одиночестве становилось неприятно. Телевизор, действительно, отвлекал, чудес-

ным образом притуплял тот поток мыслей и чувств, которого испугался Вихров. Телевизор лечил от неизвестной науке болезни, телевизор помогал убежать от самого себя, разрешал на какое-то время скрыться.

В конце концов, Марина, действительно, не знала, как ему помочь, потому и спросила об этом Аллу. Что она должна была сделать? Броситься Мише в ноги, разрыдаться и сказать, что она, Марина, ждала его всю свою жизнь и что без него не представляет более своего существования? Марине стало противно от таких мыслей, и она недовольно фыркнула. Вообще-то, совсем необязательно, чтобы кто-то был рядом, можно прожить и в гордом одиночестве, не уподобляясь окружающим.

Несколько минут они шли молча. Наверно, Алла слишком хорошо понимала свою подругу, и поэтому знала, что Марина не хотела никого унижить или обидеть своим вопросом, она задала его скорее как риторический просто оттого, что тяготилась им, и видимо, давно искала на него ответ.

В парке становилось холоднее, западный ветер продувал насквозь. И хотелось где-нибудь скрыться, спрятаться от ветра и от снега, который он нёс на своих могучих крыльях.

– Интересно, зачем придумали людей? – неожиданно спросила Алла и посмотрела на бодрую старушку, шедшую им навстречу.

– Посмеяться, – улыбнулась Марина, потуже завязывая фиолетовый шарф. – Хотя, зачем-то, наверное, придумали. Сложно всё-таки человек устроен: печень, почки, желудок, клетки всякие, ткани, суставы. Чтобы просто посмеяться, можно было что-то попроще создать. Иногда возникает такое ощущение, что это ссылка. Знаешь, как наказали. За что-то наказали, разумеется, или по ошибке, что маловероятно. Мне кажется, меня наказали. А насчёт Миши? Ты, конечно, извини. Он твой брат всё-таки.

– Троюродный, седьмая вода на киселе, – добавила Алла и снова улыбнулась. – Еще глупенький относительно тебя. Я не обижаюсь. Я понимаю.

– Да, дело не в этом, – Марина покачала головой. – Не только в этом. Правда, не знаю, что делать. Стыдно как-то. Знаешь? Не люблю и даже не нравится. И что делать? Разве виноват человек в том, что он кому-то нужен, тогда как ему не нужен никто?

– Такими мыслями вы обрекаете себя на фатальное одиночество. Руки замёрзли... жуть. Пойдём отсюда, – сказала Алла.

Марина ещё раз посмотрела на заснеженный бор и стала догонять ушедшую вперед подругу.

– А вы со мной на Вы? – весело спросила Марина.

– А как же с Вами-то по-другому, когда Вы о таких вещах говорите? Хотя если серьёзно, плохо всё.

– В каком смысле? – не поняла Марина.

– А ведь скоро Новый год, – проигнорировав её вопрос, неожиданно сказала Алла. – Должно же быть что-то хорошее впереди, что-то светлое и доброе? Ты веришь в чудеса?

Марина с надеждой посмотрела на покрасневшую от сильного ветра Аллу.

– Не знаю.

И пока две замёрзшие девушки шли, мелькали мимо них старые полуразвалившиеся дома, и странным было то, что скоро окажутся они в самом центре города среди бесчисленных бутиков и супермаркетов.

Непонятное волнение охватило Анжелу после того, как ушёл Вихров. Она и сама не знала, отчего так сильно нервничалась, и потому никак не могла успокоиться. Анжела ещё раз позвонила своей лучшей подруге и проговорила с ней довольно долго, около двух часов. Конечно, они успели обсудить многое: начиная с нового недавно открывшегося ночного клуба, куда они решили сходить сразу после Нового года, и заканчивая, естественно, Вихровым. Анжела не стала рассказывать Даше, что Алексей ушёл, даже не попрощавшись, даже не взяв с неё обещания встретиться снова (что её сильно обидело). Наоборот, девушка слегка приврала, заявив, что Вихров обещал ей позвонить.

Анжела думала. Она сидела на своей мягкой кровати, пе-

реписывалась с кем-то и продолжала думать. Мысли в голове как-то странно путались, и Анжела не могла ничего понять. Интересно, придёт ли Алексей к ним в гости снова, поправились ли она ему и как ей вести себя в следующий раз? Подобные вопросы рождались в её голове, и Анжела с лёгкостью находила на них множество ответов. В конце концов, её жутко утомил этот странный процесс, и девушка резко вскочила с кровати, подбежала к окну и настежь его открыла, забыв про то, что на улице царила зима. А вскоре ей позвонил Олег, её новый молодой человек, и Анжела договорилась встретиться с ним через полчаса.

Олег ждал Анжелу с огромным букетом цветов. С одной стороны, это было банально, с другой стороны, приятно. Анжела небрежно поцеловала вручившего охапку цветов Олега. Тот улыбнулся с неохотой и предложил девушке пройтись по городу. Но она настояла на том, чтобы пойти в кино, где в преддверии праздника стали показывать какой-то новый американский фильм с её любимым актёром в главной роли. Олегу ничего не оставалось, как согласиться.

Всю дорогу молодой человек рассказывал Анжеле о том, что позавчера он, наконец, получил водительские права и что на днях обязательно прокатит её на своём автомобиле, дорогой иномарке, которую подарил отец. Анжела невнимательно слушала собеседника, ей было неинтересно и почему-то казалось, что с сегодняшним гостем разговаривать бы-

ло куда приятнее, по крайней мере, ей.

Всё чаще в своих мыслях Анжела возвращалась к Вихрову. Ей вдруг захотелось, чтобы на месте Олега с ней рядом шёл Вихров и чтобы их увидела какая-нибудь знакомая-сплетница, которая обязательно рассказала бы всем, что Анжела гуляла по городу с взрослым красивым мужчиной. А Анжела бы потом, оправдываясь, что это просто её знакомый, случайно бы обронила, кем он работает. От этих мыслей на душе становилось приторно сладко.

Собственно говоря, Олегу тоже было скучно. Он сжимал холодную руку Анжелы, которая оставила перчатки дома, и думал о том, как вечером поедет с друзьями в загородный дом. Анжелу брать с собой он не хотел, потому что...а он и сам не знал почему. Точнее знал, потому что сегодня они решили собраться чисто мужской компанией, хотя, конечно, в действительности планы могли резко измениться.

Людмила Павловна долго стояла у окна. Она будто замерла на некоторое время. По комнате ходил радостный Семён Андреевич и что-то говорил-говорил. Людмила Павловна не слушала его. Он даже не отвлекал её от собственных мыслей. Неожиданно она заплакала. Семён Андреевич удивлённо посмотрел на жену. А та ничего не объяснив, вышла из спальни и направилась в ванную.

Опять зеркало. Людмила Павловна снова недовольно посмотрела на своё отражение. Ей захотелось разбить висящее

на стене дорогое зеркало. Но она этого не сделала, а лишь разрыдалась ещё сильнее. Как сильно она проклинала сегодняшний день и сегодняшнего незваного гостя. День был испорчен, и всё он. Зачем он приходил? Неужели не знал, что она жена Семёна Андреевича? Или знал и специально пришёл увидеть её? Но зачем? Чтобы показать, как молод и красив он даже по прошествии стольких лет? Чтобы задеть её самолюбие и потешить своё? Она не знала.

А ещё память. Да, ещё память. Конечно, она всё помнила. Помнила, как много лет назад он был в неё влюблён. Помнила, что он был красив и тогда, потому она и согласилась с ним встречаться. Помнила, что он часто рассказывал ей странные вещи, делился с ней своими странными мыслями, а она ничего не понимала, и у неё сильно болела голова от разговоров с ним. Помнила, что он хорошо играл на гитаре, хорошо пел и даже пытался написать какую-то книгу. Но он всё время пугал её своим поведением, своим отношением к жизни, он был всегда и слишком чужой. И неужели Семён не знал о том, что они встречались? Правда, встречались они с Алексеем всего несколько месяцев. К тому же её муж был так беспросветно туп, что вряд ли правильно оценивал происходящее.

Всё... Людмила Павловна устала от собственных мыслей, от бесчисленных вопросов, рождённых её подсознанием, и заставила себя прекратить плакать. Она умыла лицо холодной водой, и ей стало значительно легче.

Марина пришла домой, когда на часах было полвосьмого. От прогулки очень сильно болели ноги, особенно правая, на которую она неудачно приземлилась, но, в целом, стало значительно легче, а что-то кричащее, орущее, надрывающееся внутри притихло, будто заснуло на короткое время. В квартире было пусто и темно. Марине на какой-то миг сделалось страшно, и она включила свет в спальне, гостиной и на кухне, чтобы создать иллюзию дня. Девушка налила себе горячий, крепкий чай, сделала бутерброд с колбасой, включила стоявший на кухне телевизор и попыталась прекратить думать. Она очень устала от себя, от своих мыслей, которые постоянно рождались в её голове. Странная привычка думать. Хотя, нет. Думать вполне нормально, учитывая, что все люди думают. Но вот над чем? И если бы Марина думала сейчас о том, где купить новую кофточку или с кем пойти на свидание, это было бы вполне приемлемо. А Марина думала не об этом. Её мысли были похожи на бесконечный поток риторических вопросов. А ещё Марине казалось, что в квартире кто-то есть, помимо неё и немых рыбок, кто-то загадочный и невидимый. И от этого ощущения она не могла избавиться, даже включив везде свет.

Пугала пустота. В толпе обычно чувствуешь одиночество, а в одиночестве ощущаешь пустоту. Она свалились неожиданно, как только Марина пришла домой, и блаженно рас-

теклась по телу. Теперь не хватало людей. Но не чтобы с ними общаться, разговаривать, смеяться, а чтобы не чувствовать пустоту. И какое ощущение хуже, девушка не знала. Наверное, потому что оба не нравились ей. Она выключила телевизор, её жутко раздражали многочисленные рекламные ролики, идущие одновременно по всем каналам, глупые бессмысленные песни и такие же глупые передачи. Кричащая сила внутри начинала просыпаться, и уже захотелось гневно спросить кого-то: «А зачем я здесь?». Но Марина ничего не спрашивала, она, молча, ждала ответа. Ответа не было. Тишина угнетала. «Ненормально так жить», – в очередной раз подумала девушка. Как сильно она надоела самой себе, захотелось себя продать, обменять свой мозг на чужой. Но тогда она перестала бы быть собой. И потому умереть тоже не хотелось. А вдруг после смерти теряется сознание, вдруг уже не знаешь, кем ты был, кто ты есть, а вдруг и впрямь ничего нет? В том смысле, что нет памяти, а без памяти нет ничего.

Странные мысли лезли в голову. Так тоскливо стало Марине от осознания того, что она человек, что захотелось разрыдаться тихо и беззвучно. Захотелось не быть человеком, а быть кем-то ещё, чем-то другим, но не человеком, а человеком она быть устала.

Она наконец-то допила чай, закрыла открывшуюся внезапно от сильного порыва ветра форточку и подошла к аквариуму, стала наблюдать за беззаботно плавающими рыбками. Говорят, что это успокаивает. Но на душе было всё так

же тревожно. Борясь с потоком собственных мыслей, Марина села на диван и закрыла лицо руками. Хорошо, что никого нет. Вернее, хорошо, что никто не слышит её мыслей.

Самое ужасное заключалось в том, что с возрастом это болезненное неприятие мира не проходило, а, наоборот, крепло и усиливалось; и уже жизненно необходимым становилось найти ответ на вопрос: «Почему и зачем я здесь?». Или хотя бы найти того, кто смог бы на него ответить.

И вот с такой больной головой приходилось жить в мире, которым правят деньги и связи. И так порой обидно становилось Марине, так хотелось стать глупее и бесчувственнее, чтобы никогда не ощущать сильнейшего желание уйти куда-то туда, где всё обязательно должно быть по-другому.

Соседи начали скандалить, и вернули Марину к действительности. У девушки возникло ощущение, что она долго спала. И какое-то недоумение выразили её тёмно-зелёные глаза.

Вихров заснул с включённым телевизором. Проснулся почему-то в полночь, когда ярко накрашенная телеведущая орала, что до Нового года осталось всего два дня. Страшно болела шея, видимо, оттого, что Алексей неудачно лежал. Он резким движением встал с дивана и пошёл на кухню перекусить. Мужчине показалось, что сейчас с радостным лаем подбежит его пёс, но он тут же вспомнил, что находится

в другом городе. «Надо было взять его с собой»,— подумал Алексей, включая на кухне свет.

Параллельно Вихров размышлял над тем, когда лучше сходить к жене своего старшего брата, чтобы поздравить её и своих племянников, Соню и Дениса, с праздником. Алексей любил брата, и когда тот погиб в автокатастрофе несколько лет тому назад, обещал самому себе помогать его семье. Правда, Вихров редко делал это лично, чаще он высылал деньги. Но когда приезжал в этот город, всегда заходил к ним на пару часов. Честно говоря, Алексея очень сильно поразила Катя, жена брата, которая так и не вышла замуж. Когда погиб брат, ей было всего тридцать два. Правда, двое детей. Но Алексей прекрасно знал, что Кате предлагали руку и сердце, однако она не рискнула выйти замуж во второй раз. Может быть, правда, любила?

В окно билась луна, большая и жёлтая. Всё так же медленно, неторопливо падал серый снег. Ветер, казалось, чуть стих. В соседнем доме в нескольких окнах горел свет. И Вихров на секунду застыл около окна, будто задумался о чём-то важном. Потом, словно опомнившись, он подошёл к холодильнику.

Утро было серое и злое. Резкий порыв ветра открыл форточку, и Вихров проснулся оттого, что ему стало слишком холодно. Он с неохотой встал с кровати и исправил совершенное ветром злодеяние. На часах было всего девять. Вих-

ров взял лежавший на столе телефон и опять лёг. Кристина прислала несколько сообщений, которые Алексей, не читая, удалил. Он снова отложил мобильный в сторону, не совсем понимая, зачем вообще его взял. Вчера ночью он решил, что сегодня пойдёт к племянникам, наверное, после обеда или вечером. Пока ему ещё очень сильно хотелось спать. А играть роль Деда Мороза надо только выпавшимся.

Екатерина Валерьевна Вихрова казалась довольно доброй и милой женщиной, хотя правильнее было бы назвать её простой. И, действительно, во всей её внутренней организации не было ничего сложного, а тем более сверхсложного. За брата Алексея она вышла замуж, когда ей исполнилось всего двадцать, не взирая на то, что окружающие люди усиленно отговаривали её от столь раннего брака. Наверное, есть такие женщины, которые созданы исключительно для семьи, исключительно для будущего мужа и будущих детей. И большего счастья, чем семья для них не существует. Не способные к чему-то другому, лишённые сильного характера и сильной воли, вполне обычные, ничем не выделяющиеся, они как-то умело находят себе опору, крепкое мужское плечо. И раньше других, и удачнее других, более красивых, смелых и умных женщин, они выходят замуж и спокойно существуют в мире своей семьи, не мешая мужу, не раздражая его ни высокими амбициями, ни долгими разговорами, ни собственным мнением. Именно у них получается с лёгко-

стью создать иллюзию комфорта и покоя, иллюзию полного штиля. И способность эта связана то ли с ярко выраженным инстинктом материнства, то ли с женской мудростью, то ли с односторонностью и простотой их натуры.

Алексей долго пытался понять, почему Сергей собрался жениться на Катерине. Не то чтобы Катя совсем не понравилась Алексею, просто она показалась ему слишком обычной, слишком серой и даже бесцветной. В ней не было личности. Неприметная, миловидная, добрая. Тихая какая-то, и не то чтобы робкая и боязливая, а всё же молчаливая, видимо, от того, что сказать нечего. В ней, что ли, жизни было мало, яркой, бурлящей, кипящей, настоящей внутренней жизни. Не было огня, и даже воды не было в ней. Не было эмоций, чувств, даже заменяющей их театральности не было. Слишком нормальная, чересчур земная. И хотя сам Алексей встречался с похожими женщинами, та же Людмила Павловна, у его пассий всё же было заметное преимущество: все они были красивые. А Катя была всего лишь милой, приятной, но никак не красивой. И чем она так полюбилась его старшему брату, он не знал.

Хотя, с другой стороны, может, и хорошо, что женился он на Кате, и жил спокойно двенадцать лет: зарабатывал деньги, кормил семью. Хотя иногда и уставал от этой монотонности, скучал, уходил, но всегда возвращался, а в целом жил, как все.

Какое нечеловеческое терпение надо иметь, чтобы так

жить? Это же по принципу: Вася родился, Вася пошёл в школу, Вася поступил в институт, Вася женился, Вася устроился на работу, у Васи появились дети, Вася умер. Волком выть на Луну от такой скуки! Правда, Алексею было явно не веселей. Но такую жену, как Катя, он бы не выдержал. Конечно, уютно и комфортно: обед приготовлен, всё убрано, всё чинно и благородно, но...но всё-таки Сергея он отказывался понимать.

А потом брат разбился, попал в аварию. Немного выпил, не справился с управлением и столкнулся с другой машиной. Только он погиб. Это было в начале ноября, поздно вечером. Темно и шёл дождь. Хорошо, что Катя с ним не поехала, а то дети могли бы остаться круглыми сиротами. Алексей тогда долго ругался, возмущался, искренне не понимал, почему не его забрали, а брата. А ведь Сергею больше жизнь нравилась, он к ней лучше приспособился что ли. Хуже всего было их матери. Отец-то даже до свадьбы Сергея не дожил, слишком плохое здоровье, болел часто. Матери было очень плохо. Говорят, что в семье родители больше любят младших детей, а у Алексея всё было наоборот. Антонина Петровна просто боготворила старшего сына Сергея. Странно так любила, непонятной любовью. Алексея она не понимала, он её пугал. Придёт он что-нибудь маме рассказывать, а она смотрит на него большими-большими глазами и молчит, долго молчит, будто страшась чего-то. А на Сергея она по-другому смотрела, умиротворённо как-то. И относилась к нему бережно,

очень заботливо. Даже в характере и внешности Кати было что-то от Антонины Петровны. Так порой Алексей объяснял выбор брата, хотя это объяснение не вполне его устраивало.

В любом случае у матери было жуткое состояние. Вначале она не поверила, что Сергей погиб, потом закрылась в своей комнате и долго плакала, потом вышла, истошно орала, что это ложь, что Сергей не мог разбиться, затем снова разрыдалась. Несколько часов причитала, что это её вина, что она не уберегла сына.

Гроб был закрыт: лицо было слишком изуродовано. Антонина Петровна прижалась к крышке гроба и всё не отходила, так что пришлось её оттаскивать. Катя была более сдержанной. Уткнулась в плечо Алексея и тихо плакала. А детей на похороны не пустили. Потом у Антонины Петровны случались обмороки, и без конца поднималось давление. Таблетки пить она не хотела, но даже если пила, они ей особо не помогали. А ещё ей всё мерещился Сергей. Она говорила, что он часто ей снится и что даже видела его наяву вечером в своей комнате: он стоял у окна и что-то хотел ей сказать. А через какое-то время она начала утверждать, что он жив и что гроб был пустой, недаром крышка была закрыта. Стали подумывать над тем, чтобы отдать её в психиатрическую лечебницу. Но этого не пришлось сделать, так как через три месяца после смерти старшего сына Антонина Петровна умерла.

Катя отвезла детей своим родителям в другой город. А сама целыми днями с Алексеем находилась в квартире Анто-

нины Петровны, пока та была жива. Со стороны казалось, что она очень переживает за свою свекровь, заботится о ней, пытается успокоить, но Алексея почему-то настораживало такое поведение, он интуитивно не верил в искренность невестки. Хотя он до сих пор толком не мог объяснить самому себе, почему тогда такое отношение Кати к убитой горем матери не вызывало у него восхищения, как у других людей, а, наоборот, раздражало и даже возмущало. Когда Антонина Петровна после очередной истерики засыпала, Алексей вместе с Катей сидел на кухне, и слушал её монотонную речь. Она говорила, что ей плохо, что она не знает, как дальше жить, не знает, что будет с детьми, что ей страшно оставаться одной, что она очень любит Сергея. И самым ужасным Алексею казалось то, что он ей всё-таки не верил. Ему было стыдно в такие минуты, ведь он и сам не знал, почему не верил этой милой женщине, сидящей на соседнем стуле. А ещё Алексею не нравилось, что Катя постоянно пыталась влезть ему в душу. И когда он начинал врать, чтобы Катерина оставила его в покое, она смотрела на него большими круглыми глазами и, кивая головой, говорила: «Как я тебя понимаю», чем раздражала Вихрова ещё сильнее. Но он сдерживал себя, и у него это получалось, как у профессионального актёра. И даже порой успокаивал невестку, заверяя, что всё будет хорошо, что за чёрной полосой всегда следует белая, нужно только уметь ждать, в глубине души пытаюсь найти ответ на вопрос, почему смерть так сильно шокирует людей. Может,

потому что она похожа на незваную гостью?

Всю ночь Марина не могла уснуть. Она бесцельно ворочалась в постели и не могла уснуть. Лунный свет проникал в окно и падал на ковер, лежавший на полу. Марина, уставшая от своей тщетной борьбы с бессонницей, встала с кровати. Она подошла к окну. Большой жёлтый диск луны повис прямо над соседним домом, по небу были рассыпаны маленькие сверкающие звёзды, и падал снег медленно, неторопливо, красиво.

В мифах с луной связана идея бессмертия. Человека всегда поражало, что луна, исчезнув с небосвода на несколько дней, затем появлялась вновь. Опираясь на это свойство луны, люди верили, что и смерть не может быть концом, и что конец в какой-то мере – это всегда начало. А значит, душа человеческая бессмертна. Бессмертна ли она на самом деле? Может быть, человек превращается в сероводород и больше с ним ничего не происходит. «Хотя это не логично и глупо», – думала Марина, вернее, знала, чувствовала это. Энергия же не может пропасть бесследно. Одно всегда переходит во что-то другое, но не умирает в прямом смысле этого слова, видоизменяется, но не гибнет. И человек всё знает, он просто не помнит о том, что знает. Нужно только вспомнить, и всё встанет на свои места; только вспомнить, если не страшно.

Марина села на ковёр, прямо туда, куда падал лунный свет, так, чтобы он освещал её руки. Ей опять показалось, что в комнате кто-то есть, и она мысленно приказала им уйти. А затем стала рассматривать линии у себя на ладонях. Интересно, почему они есть у всех и у всех разные, такие странные, замысловатые узоры? А потом опять стало дико тоскливо, и тоска эта была похожа на тоску по родному дому. Так плохо было в этих четырёх стенах, и так невыносимо захотелось куда-то и одновременно в никуда, потому что «куда-то» находилось ни на улице, ни в городе, ни в стране, ни в мире.

Плакать Марина не могла, да и не хотела. В очередной раз, почувствовав себя ненормальной, она с сожалением вздохнула и успокоила себя только тем, что настоящие ненормальные не признают своей ненормальности. Тогда не всё так плохо, а, следовательно, жить можно и нужно. Хотя жизнь скучная, люди тоже, и в мире много отвратительного, много мерзкого и грязного. Но природа красивая, значит, есть, чем восхищаться. Ещё бы людей изменить слегка, а по правде, полностью. И чем там совершенен человек? Ничего хорошего: так руки, ноги и голова. И всё взаимосвязано. О чем, собственно, оповестила правая нога тем, что боль в области колени моментально перенеслась в бедро, и Марине пришлось снова лечь в постель.

Однако спать не хотелось. Лёжа в кровати, девушка продолжала смотреть в окно. Но возникало ощущение, что она

не смотрит, вернее, смотрит и не видит. Или видит что-то то, что никто, кроме неё, увидеть бы не смог. Хотелось раствориться в лунном свете или во тьме. Может, тогда мир бы заиграл другими красками? А что такое мир? Мира, возможно, нет. И всё вокруг только иллюзия, всё только фантом, всё майя. Ничего не существует, и никого не существует. Людям лишь кажется, что они есть, а, на самом деле, их тоже нет. И деревьев нет, и домов, и пространства, и времени – вообще, ничего нет. Есть только вера в то, что всё есть.

И даже у Бога просить нечего, потому что ничего не надо. От тоски бы избавил и всё. Только от неё здесь не избавиться. И это не скука, скука по статусу ниже. Скука связана с этим миром, с людьми связана, от неё спастись можно, и она возникает у всех. Скука – это, когда всё надоело, нужно что-то новое попробовать, ощутить здесь, разумеется. Тоска – это, когда хочется только одного – туда, а здесь ничего не надо: ни старого, ни нового. Тоска устремлена вверх, а скука горизонтальна. Скука «в пределах», а тоска «за». Вот и получается, что избавиться от скуки проще: переехал, развёлся, сменил работу, изменил что-то в жизни, и скука проходит. Потом она, правда, возвращается, потому как требует бесконечного движения, а человек не может идти вечно; ему нужен отдых, остановка, покой.

Тоска же не проходит никогда, с ней рождаешься и умираешь. Она ни на минуту не оставляет своего подопечного в покое. И от неё нет противоядия. С ней можно только смирить-

ся, её можно только принять. Но в отличие от скуки она свойственна не всем. А, видимо, тем, кто слишком близок к границе, кто слишком много помнит об ином, потому так чужд этому миру. Правда, помнит на интуитивном уровне: нечётко, неясно, но будто помнит. Потерявшему память человеку нужен некий толчок: фотография с близкими родственниками, чьё-то знакомое, но забытое имя или событие, и тогда он начнёт вспоминать. Так и отмеченный тоской способен вспомнить, и вспомнить быстрее и отчётливее, чем другие, не тронутые этим чувством люди, только нужны подсказки, нужен толчок. В какой-то мере тоска – это всегда стремление к Богу как к чему-то запредельному.

От таких мыслей она крепко заснула, но только под утро. И даже сильный порывистый ветер, бесцеремонно стучавший в окно, не мог её разбудить. Ей снилось что-то странное: картинки без конца менялись как титры; складывалось лишь общее ощущение бега и суеты, и нехватки времени, будто она опаздывала куда-то.

Без предупреждения идти в гости не хотелось. В конце концов, Катя с детьми могла уехать к знакомым. Да, и некрасиво, неприлично без приглашения. Но общее ощущение неправильности, нетактичности своего поведения не остановило Вихрова. А если никого не окажется дома, то особой беды в этом не будет. Значит, не судьба поздравить родствен-

ников с наступающим праздником лично.

Недолго над этим размышляя, Алексей всё-таки решил, что он хочет увидеть племянников именно сегодня, а значит, именно сегодня и отправится к ним.

На часах было полпятого. Ветер дул ещё сильнее, чем вчера, и жутко скользко было оттого, что ночью резко похолодало. Алексей быстрым, но аккуратным шагом подошёл к остановке. И неожиданно осознал, что давным-давно не ездил на троллейбусах и автобусах, а всё чаще на своей машине или, в крайнем случае, на метро.

Хорошо, что это маленький провинциальный городок и что в нём нет ненавистного метро. Первое время, когда Алексей только приехал в Москву, он постоянно ездил на нём. И успел возненавидеть это творение рук человеческих: душные переполненные вагоны, странные голоса, объявляющие название станций. Хотя и с машиной в Москве тоже много проблем, и главная, конечно, многочасовые пробки.

На остановке стояло ещё несколько человек, но внимание Вихрова привлёк только один из них: странно улыбающийся старичок с неподвижными глазами. Старичок слегка пританцовывал, наверное, чтобы согреться и улыбался, не отводя взгляда от урны, стоящей справа от него. Вихров тоже внимательно посмотрел на урну в надежде увидеть что-то очень необычное, но, не обнаружив чего-то существенного, Алексей перевёл взгляд в ту даль, откуда должен был приехать автобус. Хотя ему было непонятно, отчего этот пожилой мужчи-

на, одетый в коричневую куртку и шапку-ушанку, в каких ходили много лет назад и в каких обычно ходят приехавшие в Россию иностранцы, так бесцеремонно долго смотрит на грязную урну, которая должна была залиться краской, если бы знала, что на неё так пристально глядят. «Странные люди, смешные», – подумал Вихров, продолжая гадать, чем же старику так приглянулась именно урна. Но логичного ответа на поставленный вопрос он не смог найти.

Было холодно, и Вихров начал думать, что скоро и он начнёт пританцовывать. Однако продолжал мужественно и стойко ждать автобус или троллейбус. А, собственно, было всё равно. Он просто продолжал ждать то, что раньше придет.

Задумавшись над чем-то своим, Алексей и не заметил, что странный старичок стоял теперь совсем рядом с ним, так, что он мог дотронуться до него рукой.

– Плохо транспорт ходит, – сказал незнакомец и посмотрел на Вихрова. – Ждёшь, так ждёшь. Быстрее погрёшь, чем дождёшься. Ещё праздники, в нерабочем состоянии все. Что за люди? Не ценят время... совсем.

Вихров повернул голову в сторону разговарившегося старичка. И посмотрел на него как-то так, как может посмотреть человек на севшего ему на плечо комара. Но, столкнувшись с прямым взглядом странного улыбающегося старика, он зачем-то решил спросить, почему тот так долго смотрел на урну, что и сделал.

– Много грязи человек оставляет, слишком много. Вечно сорит, везде сорит. Эта урна похожа на горшок. В ней бы мог расти, к примеру, кактус. А в урне почему-то мусор. Так что если бы люди не сорили, тогда вместо урны с мусором стояли бы на всех остановках горшки с кактусами, – начал объяснять старик. На несколько секунд он замолчал, а потом продолжил. – Я очень люблю кактусы. Странное создание, всё в колючках, и воды много не надо, стойкое такое, неприхотливое. Вроде жизни боится, защищается, а силе мог бы любой позавидовать. Однажды опыт такой провели. Был взят кактус, его выкопали из земли и подвесили к потолку. Ученые хотели узнать, сколько времени кактус будет жить. – Увлечённый собственным монологом старик смотрел на Вихрова так, что Алексею казалось, что он смотрит сквозь него. – И представьте, кактус жил 6 лет. Правда, странное растение. Вроде всё в колючках, а цветет, так что даже роза б позавидовала.

Вихров снисходительно посмотрел на собеседника. Собственно говоря, он не совсем понимал, зачем ему рассказывают о кактусах. Но в любом случае от монолога этого забавного человека ему стало весело, и Алексей уже забыл о том, что несколько минут назад хотел начать танцевать от холода.

– Так вы разводите дома кактусы? – поинтересовался Вихров.

– Какой там развожу, – отмахнулся старик. – Есть два кактуса, стоят в гостиной на подоконнике и всё. Жил бы в Мек-

сике, тогда бы разводил. А у нас в стране разве дадут вдоволь пожить? То вот троллейбус никак не приедет, то дырявую крышу в доме ЖЭК чинить не хочет, то война, то перестройка. Не до кактусов. А в Мексике на Новый год кактусы даже вместо ёлок, – особенно грустно произнёс старик последнюю фразу.

Алексей хотел усмехнуться, но остановил себя, ему почему-то стало искренне жаль старика, который, видимо, всю жизнь хотел уехать в Мексику, на родину своих горячо любимых кактусов. Странная мечта, непонятная какая-то, а между тем всё равно мечта, а значит, заслуживает уважения. Жизнь злая. Даже такую маленькую мечту осуществить подчас невозможно, и что там говорить про великую дружбу, великую любовь, головокружительную карьеру. Вот обычный человек, работал, наверно, всю жизнь на заводе, а сам кактусы хотел разводить. Старик продолжал стоять рядом с Вихровым, но больше ничего не говорил. Его неподвижный взор был устремлён в сторону проезжавших машин; он продолжал улыбаться, но делал это почти машинально.

– Хотите, я Вам ещё несколько кактусов куплю? – прервал грустное молчание Вихров.

Старик посмотрел на него и на миг оживился:

– Зачем они мне теперь? Дома два есть и ладно. Растением же, как людям, забота нужна, любовь, а я старый совсем. Может, скоро помру, а моим кактусы не нравятся. Выкинут их на помойку, а так нельзя, они же живые.

Прошло ещё минут пять, и наконец-то приехал троллейбус. Старый, потрепанный троллейбус. Вихров сел около окна. И все остановки, не отрываясь, смотрел он в окно, будто изучал свой родной город, пытался найти что-то новое в нём или в самом себе. В какой-то момент он испугался, что оставил дома подарки. Но в пакете, который он держал в руках, лежали и два дорогих сотовых телефона и конверт с деньгами, предназначенный для Кати.

По пути к девятиэтажке, к которой направлялся Алексей, находился небольшой цветочный магазин. И Вихров подумал о том, что Катерине было бы приятно, как и любой другой нормальной женщине, получить букет в подарок. Алексей решил купить розы, несколько красных роз. В конце концов, именно эти цветы нравятся практически всем представительницам прекрасного пола. Хотя после разговора со странным стариком Вихрову захотелось подарить Кате кактус, но он решил не рисковать, а ограничиться банальными цветами, ведь Катерина вряд ли бы оценила его креативность. Впрочем, как оказалось магазин уже был закрыт. Странно не работать в предпраздничные дни.

В дверь позвонили. Пронзительный звонкий голосок Со-ни оформился в виде короткой фразы:

– Кто там?

– Дядя, – быстро ответил Алексей.

Но Соня не собиралась сдаваться, а всё так же весело спросила:

– Какой дядя?

Алексей как-то обрадованно усмехнулся. Дети обычно слишком доверчивые и наивные, а его племянница, к счастью, не из таких. Он хотел уже ответить, что это «дядя Лёша», но буквально через секунду к двери подошла мама Со-ни, которая, посмотрев в глазок, быстро открыла дверь.

– Алексей? – удивлённая улыбка озарила лицо Кати.

– Дядя Лёша? – семилетняя Соня сразу же кинулась обни-мать пришедшего гостя. Так что Вихрову пришлось небреж-но отдать Кате букет цветов и пакет. Алексей поднял пле-мянницу и поцеловал её в нос.

– Дядю по голосу не узнаёшь, как не стыдно, – наигранно строго сказал Алексей, опустив девочку на пол.

– А вдруг это бандит? Откуда мне знать? Вы же не сказали «дядя Лёша», а просто «дядя». Дядь много на свете, – воз-мутилась маленькая Соня и посмотрела на Вихрова своими большими голубыми глазами.

– Хороша, – улыбнулся Алексей и потерябил племянницу по волосам. – Здравствуй Катя, – обратился он к сестре по-койного брата.

Катя посмотрела на Вихрова слегка растерянно. У Алек-сея даже создалось впечатление, что она до его прихода дол-го спала. Хотя, наверное, его неожиданный визит просто по-ставил женщину в своеобразный тупик. Соня же, напротив,

оживилась, и радостная, и восторженная стала рассказывать о своих новых друзьях любимому дяде. Соня наконец-то пошла в школу. Раньше она ходила в детский садик, но там ей не нравилось. Неправильно, неразумно заставлять детей спать днём, потому как у детей много энергии и нужно её куда-то девать. По крайней мере, так говорила Соня, когда Алексей снимал пальто и разувался. И Соня сказала, что она очень давно хотела в школу, ведь школа это новый жизненный этап, это символ того, что она повзрослела и уже не маленький ребёнок. А ещё ей очень нравится её цветной рюкзачок и учительница Ирина Сергеевна. Она Соню очень сильно хвалит и за правильные ответы дарит красивые наклейки.

Алексей внимательно слушал Софью Сергеевну, и лишь поражался тому, как сильно внешне похожа она на своего отца, на его брата. Катя позвала Вихрова и Соню на кухню, где их ждал чай и бисквитный торт.

– А где пакет? – тихо спросил Алексей, подойдя к Кате, пока Соня усаживалась за стол.

– В коридоре, я там его положила.

Алексей вернулся на кухню с пакетом, и хотел было начать дарить подарки, но дома не оказалось Дениса

– С друзьями, – очень тихо и с неохотой ответила Катя. Она подошла к окну и открыла форточку.

– Тогда мы егождемся, и я подарю вам подарки, – сказал Алексей и посмотрел на Соню.

– Тогда, дядя Лёш, вам придётся у нас ночевать, – конста-

тировала Соня.

– Хорошо, подаришь потом, – резко перебила дочь Катя. – А сейчас давайте пить чай. Как у тебя дела? – обратилась она к Алексею. – Совсем не изменился.

Алексей впервые за время пребывания в квартире, пристально посмотрел на Катю. Она тоже не сильно изменилась. Всё такие же затуманенные глаза, спокойный голос, всё та же медлительность. Одета она была не в обычный домашний халат, а вполне праздничную синюю кофту и чёрные бриджи. Может, она ждала кого-то или собралась куда-то идти?

– Я пришёл тут так неожиданно. Никого не ждёте, никуда идти не собрались? – спросил Алексей, будто проигнорирован Катин вопрос.

– Нет, – Катя отрезала кусок торта и положила на блюдо. – Просто Анята заходила, работаем с ней вместе.

Она хотела отрезать Алексею ещё один кусок, но он махнул рукой.

– Замуж не собралась? – спросил Алексей у Кати, внимательно наблюдая за Соней, которая измазала все руки в торте.

– Нет. А ты? – осторожно поинтересовалась Катя.

– Замуж? Нет, – Алексей усмехнулся и перевёл взгляд на Катерину. – Жениться тоже не хочу. Привык быть один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.